

ludwig van TORONTO

SCRUTINY | Baritone Dmitri Hvorostovsky Shakes Koerner Hall

By [Joseph So](#) on February 22, 2016

Allow me to borrow a famous term from the 1960's Hippie Counterculture – last evening's recital by Russian baritone Dmitri Hvorostovsky at Koerner Hall was the veritable Love-In.

From the first note to the last of a generous program, the audience was firmly on the side of "Dima" as the singer is affectionately called by his friends and fans. They were there to of course enjoy the spectacular vocalism of a great artist, but also to be there to help him celebrate an important moment in the baritone's life, to bear witness in his triumph overcoming huge medical odds, to once again stand in front of an audience, to do what he does best.

For those not familiar with his health issues – last spring, Hvorostovsky was diagnosed with a brain tumour. It led to cancellations of his engagements to receive treatment over the summer and the fall. He came back to the Met in October to sing di Luna in *Il Trovatore*, one of which was shown in the series *Met in HD*. I went to the show and found him in excellent voice. Then he cancelled the rest of the run to return to treatment. So his appearance here on this recital tour is very special, with only three stops – Carnegie, Toronto and Chicago.

It was the hottest ticket in town. The 1,135 seat Koerner Hall was jammed to the rafters – the demand was so great that they had to put two rows of stage seating. Even then, there were sad faces of ticketless fans milling about the entrance before the show begging for a ticket, any ticket. I come across this scene when I travel to places like Munich and London and New York, but Toronto? Once in a blue moon....

The atmosphere inside was festive, with lots of Russian speakers in the audience, many bearing bouquets of flowers for their beloved Dima. Saw lots of friends and colleagues there, plus many "in the business" including present and former singers, impresarios and intendants the likes of Canadian Opera Company General Director Alexander Neef.

Hvorostovsky walked out to sustained, thunderous ovations. Was I in a rock concert??? Looking handsome and debonair as usual, perhaps just a tad trimmer than before in a tight-fitting suit. He got down to business with five Glinka songs. He used the score on a music stand, referring to it frequently. I'm more familiar with the operas of Glinka than his songs – it was a great pleasure to discover the wealth of melodic inspiration, particularly *Somneniye* (Doubt) with its Bellini-like, Italian bel canto melody, absolutely gorgeous! Vocally, Hvorostovsky began carefully, the first two songs sung at *mezza forte*. By the third song, *Ne govori, chto serdtsu bol'no*, his full palette of tone colours appeared for the first time.

This was followed by six Rimsky-Korsakov songs. By now, Hvorostovsky was fully warmed up. He sang with a surfeit of power, with his distinctive timbre, phenomenally long breath-line, a keen sense of drama, all backed up with a formidable technique. One couldn't help but be amazed that after what he went through medically, he still had the strength to do a generous program such as this. Physically there were moments when he looked oddly stiff onstage, and there were fleeting

moments of a look of grim determination on his face. Perhaps there was a slight diminution of power, and his lowest notes (especially early in the recital) weren't as firmly supported as before. But no matter how you look at it, a Hvorostovsky at 90 or 95% is still head and shoulders above many other singers.

The second half was on more familiar grounds, opening with four famous songs by Tchaikovsky, set to text by Pushkin and Tolstoy. At 53 and 26 years after winning Cardiff in 1989, it's remarkable that Hvorostovsky can still offer such powerful vocalism in *Blagoslovyayu vas, lesa* (I bless you, forests). The drama in *Solovey* (Nightingale) was palpable. My favourite of this group was the stunningly beautiful *Sred' shumnogo bala, sluchayno* (Amid the din of the ball). Hearing him sing these songs make me want to go to the Met next season to hear his *Onegin* once more...

The final group was a surprise – five Richard Strauss songs. This was the first time I've heard Hvorostovsky sing Strauss. He certainly has the refulgent tone to do *Zueignung* and *Cacilie* justice, even though he had moments of insecurity with the text in both songs. He also suppressed the consonants in his German, but that's a minor quibble. His *Morgen*, as expected, was beautiful. As you can imagine, the audience just adored him. After countless ovations, he rewarded the sold out house with the Neapolitan song, *Passione*, the only Italian piece in the whole evening. Still, the audience wouldn't let him go, and he sang, a capella, a Russian folksong. I have no idea what is the name of the song, but I was told that it has to do with nature.

Through it all, the pianist Ivari Ilya, a long-time collaborator of Hvorostovsky, offered the most solid support. Mr. Ilya is of the old school of Russian pianists, playing with a grand style, complete with elegant and florid arm and finger gestures that are positively mesmerizing. Formidable technique is a given, of course. I found myself watching him almost (but not quite!) as much as the singer. The first two songs, I thought Mr. Ilya was surprisingly loud, louder than I thought a collaborative pianist should be. Starting with the third or fourth song and definitely by the end of the Glinka group, Ilya's playing was much softer, more subtle, with lighter fingering where appropriate. I think it was likely intentional, to offer more support for the singer when he's warming up, a brilliant strategy.

Perhaps it's my imagination, but I find Hvorostovsky's artistry has deepened since his illness. I don't say that lightly. I've heard him close to twenty times over the years in opera, concerts and recitals, including his first Roy Thomson Hall appearance way back around 1992. I remember it clearly. I think it was on a Tuesday. I had the flu while teaching out-of-town and got out of my sickbed, drove to Toronto for the concert – nothing was going to stop me! Always a great singer, but now I think Hvorostovsky imbues the text with greater meaning. Certainly a near-death experience will do that to any artist! I wish him many more years of health, so we can continue to enjoy the artistry of this great singer.

[SCRUTINY | Baritone Dmitri Hvorostovsky Shakes Koerner Hall \(ludwig-van.com\)](http://ludwig-van.com)

Перевод

Ludwig van Toronto

Баритон Дмитрий Хворостовский потряс Кернер Холл

Джозеф Со

22 февраля 2016

Позвольте мне позаимствовать известный термин из субкультуры хиппи 1960-х годов – вчерашний вечерний концерт русского баритона Дмитрия Хворостовского в Koerner Hall был подлинной Любовью.

От первой до последней ноты богатой программы публика твёрдо была на стороне “Димы”, как ласково называют певца его друзья и поклонники. Они были там, чтобы, конечно, насладиться потрясающим пением великого артиста, но ещё и разделить радость важного момента в его жизни, подтвердить его триумф: преодолев огромные медицинские трудности, снова встать перед аудиторией, сделать то, что он делает лучше всего.

Для тех, кто не в курсе его проблем со здоровьем – прошлой весной Хворостовскому поставили диагноз опухоль головного мозга. Лечение летом и осенью потребовало отмены контрактов. Он вернулся в Мет в октябре, чтобы спеть ди Луну в нескольких представлениях “Трубадура”, одно из которых было показано в цикле кинотрансляций “Мет в HD”. Я был на этом спектакле и нашёл его в отличном голосе. Затем он отменил оставшиеся выступления, чтобы продолжить лечение. Так что его появление здесь в этом сольном туре всего с тремя концертами – Нью Йорк, Торонто и Чикаго – совершенно особенное.

Это был самый главный гвоздь сезона в городе. Koerner Hall на 1135 мест был забит до самых стропил – спрос был настолько велик, что пришлось поставить два ряда сидячих мест прямо на сцене. Даже после этого были грустные лица безбилетных фанатов, толпившихся у входа, выпрашивая билет, любой билет. Я сталкиваюсь с этой сценой, когда путешествую по таким местам, как Мюнхен, Лондон и Нью-Йорк, но Торонто? Почти никогда...

Атмосфера внутри была праздничной, в зале было много русскоговорящих, многие принесли цветы для своего любимого Димы. Видел много друзей и коллег, а также многих “людей от музыки”, включая нынешних и бывших певцов, импресарио и руководителей вроде генерального директора Канадской Оперы Александра Нефа.

Хворостовский вышел под продолжительные, громовые овации. Я попал на рок-концерт??? Как обычно, он выглядел красивым и жизнерадостным, возможно, чуть более подтянутым, чем раньше, в облегающем костюме. Он начал с пяти романсов Глинки, часто обращаясь к партитуре на пюпитре. Я больше знаком с операми Глинки, чем с его романсами – мне было очень приятно открыть для себя богатство мелодического вдохновения, особенно “Сомнение” с его беллиниевской, итальянской мелодией бельканто, совершенно великолепной! Вокально Хворостовский начал осторожно, первые два романса спел на *mezza forte*. К третьему, “Не говори, что сердцу больно”, впервые появилась полная палитра его тональных нюансов.

Затем последовали шесть романсов Римского-Корсакова. К этому времени Хворостовский уже полностью распелся. Он пел с полной силой, с его характерным тембром, феноменально длинным дыханием, пронзительным чувством драмы, всё это подкреплялось потрясающей техникой. Нельзя было не удивляться тому, что после лечения, которое он прошёл, у него всё ещё оставались силы для такой большой программы. Физически были моменты, когда он выглядел странно застывшим на сцене, и были

мимолётные моменты выражения мрачной решимости на его лице. Возможно, произошёл небольшой упадок сил, и его самые нижние ноты (особенно в начале концерта) были не так твердо поддержаны, как раньше. Но как бы то ни было, Хворостовский даже на 90 или 95 % своей прежней силы всё равно на голову выше многих других певцов.

Вторая половина была более привычной, открываясь четырьмя знаменитыми романсами Чайковского на слова Пушкина и Толстого. Замечательно, что в 53 года, через 26 лет после победы в Кардиффе в 1989 году, Хворостовский всё ещё может предложить такой мощный вокал в "Благословляю вас, леса". Драма в "Соловье" была физически ощутима. Моим любимым в этой подборке был потрясающе красивый романс "Средь шумного бала". Когда я слышу, как он поёт эту программу, мне хочется пойти в Мет в следующем сезоне, чтобы ещё раз услышать его "Онегина"....

Последняя часть была сюрпризом – пять песен Рихарда Штрауса. Первый раз я слышал, как Хворостовский поёт Штрауса. У него, безусловно, есть переливающийся тон, чтобы точно передать "Zueignung" и "Cacilie", хотя были моменты неуверенности с текстом в обеих песнях. И он оглушал согласные в своём немецком, но это небольшая придирка. Его "Morgen", как и ожидалось, был прекрасен. Как вы можете себе представить, публика просто обожала певца. После бесчисленных оваций он наградил забитый до отказа зал неаполитанской песней "Passione", единственным итальянским произведением за весь вечер. Но зрители не отпускали его, и он спел а капелла русскую народную песню. Я понятия не имею, как называется эта песня, но мне сказали, что она связана с природой.

Весь вечер самую надёжную поддержку оказывал пианист Ивари Илия, давний соратник Хворостовского, принадлежащий к старой школе русских пианистов, играющий с большим стилем, дополненным элегантными и изысканными жестами рук и пальцев, которые определённо завораживают. Мощная техника - это, конечно, данность. Я поймал себя на том, что наблюдаю за ним почти (но не совсем!) так же, как и за певцом. Первые два номера, мне показалось, мистер Илия был на удивление громким, громче, чем, по моему, должен быть пианист-аккомпаниатор. Начиная с третьего или четвёртого номера и однозначно к концу романсов Глинки игра Илии стала гораздо мягче, тоньше, с более лёгкой аппликатурой, где это было уместно. Я думаю, что это было сделано намеренно, чтобы оказать больше поддержки певцу, когда он распевается, блестящая стратегия.

Возможно, это моё воображение, но я нахожу, что артистизм Хворостовского стал глубже после его болезни. У меня есть основания утверждать так. За эти годы я слышал его почти двадцать раз в опере, на концертах и сольных выступлениях, включая его первое выступление в Roy Thomson Hall где-то в 1992 году. Я хорошо это помню. Кажется, это было во вторник. Я подхватил грипп, когда преподавал за городом, и, больной, встав с постели, поехал в Торонто на концерт – ничто не могло меня остановить! Всегда великий певец, но теперь мне кажется, что Хворостовский наполняет текст ещё большим смыслом. Конечно, опыт борьбы со смертью сделает это с любым художником! Я желаю ему ещё много лет здоровья, чтобы мы могли продолжать наслаждаться артистизмом этого великого певца.

Перевод с английского Н.Тимофеевой